

Программа драмы А. С. Пушкина о паписсѣ Іоаннѣ.

(Къ исторіи недовершеннаго замысла).

Въ тетради Московскаго Румянцевскаго музея № 2384, л. 23, мы находимъ схематическіе наброски драмы, сюжетомъ которой явилась средневѣковая легенда о паписсѣ Іоаннѣ:

„Acte I. La papesse-fille d'un honnête artisan, étonné du son savoir. La mère vulgaire n'y voyant rien de bon. Gilbert (отецъ) invite un savant à venir voir sa fille—le prodige de famille. Préparatifs où la mère est seule à faire tout. Jeanne devant St. Simon. Le savant (le démon de savoir) arrive au milieu de tout ce monde invité par Gilbert. Il ne parle qu'avec Jeanne et s'en va. Comméragage des femmes- joie du pere- soucis et orgueil de la fille. Elle fait tout pour aller en Angleterre étudier à l'université.

Acte II. Jeanne à l'université sous le nom de Jean de Mayence. Elle se lie avec un jeune gentilhomme espagnol (amour, jalousie, duel-en récit). Jeanne soutient une these et est fait docteur. Jeanne prier d'un couvent; règle austère qu'elle y établit. Les moines se plaignent. Jeanne à Rome; cardinal. Le pape meurt; elle est faite pape.

Acte III. Jeanne commence à s'ennuyer. Arrive l'ambassadeur d'Espagne- son condisciple; leur connaissance. Elle le menace de l'Inquisition et lui d'un éclat. Il pénètre jusqu'à elle. Elle devient sa maitresse. Elle accouche entre le Colisée et le couvent de... Le diable l'emporte.

Si c'est un drame, il rappellera trop le Faust; il vaut mieux en faire un poëme dans le style de Christabel ou bien en octaves“.

Не установленъ пока ни источникъ — внѣшній стимуль програмнаго замысла, ни психологическій императивъ обращенія поэта къ опредѣленной фабулѣ забытаго апокрифа. Невольный вопросъ о характерѣ извнѣ воспринятыхъ Пушкинымъ элементовъ легенды получаетъ своеобразное освѣщеніе въ „готической славѣ“ ея судьбъ.

Вводя преданіе, часто относимое къ половинѣ IX столѣтія, въ грани его исторической среды, мы съ упоминаніемъ о паписсѣ встрѣтимся впервые въ неизданномъ сочиненіи Стефана Бурбонскаго „De septem donis spiritus“¹⁾: „Въ 1100 году, какъ говорятъ хроники, случилась чудная, даже безумная дерзость. Какая то женщина, образованная и опытная въ искусствѣ писать, облачившись въ мужскую одежду и выдавая себя за мужчину, прибыла въ Римъ, и здѣсь, какъ за свою дѣятельность, такъ и за образованіе, была сдѣлана сперва нотаріемъ куріи, затѣмъ, по наущенію дьявола, кардиналомъ, наконецъ папой. Идя въ процессіи уже беременной, она родила. Когда римская юстиція узнала это, паписса за ноги привязана была къ ногамъ лошади, такимъ образомъ вытащена за городъ и въ полумили отъ него побита народомъ камнями; она была погребена на томъ-же мѣстѣ, гдѣ и умерла, а на камнѣ, надъ ней положенномъ, писанъ былъ стихъ:

Parce pater patrum papisae prodere partum“²⁾.

¹⁾ Среф. Бурб. ум. въ 1261 г.; значит. части его трактата ар. Echard, „Sancti Thomae summa s. auctorii vindicata“, Paris. 1708, и въ „Scriptores ordinis Praedicatorum, v. I.

²⁾ ар. Echard, *смп.* 568—: „Accidit autem mirabilis audacia, imo insana circa an. dom. M. C. ut dicitur in chronicis. Quaedam mulier literata et in arte notandi edocta, adsumto virili habitu et virum se fingens, venit Romam, et tam industria, quam literatura accepta, facta est notarius curiae, post diabolo procurante cardinalis, postea papa. Haec impraegnata cum ascendeter, peperit. Quod eum novisset Romana justitia, ligatis pedibus ejus ad pedes equi distracta est extra urbem, et ad dimidiam leucam a populo lapidata, et ubi fuit mortua, ibi fuit sepulta et super lapidem super ea positum scriptus est versiculus: „P.p.p.p.p.p.“.

Разсказъ Стефана, равно какъ и его произведеніе, не былъ извѣстенъ въ массовомъ обиходѣ среднихъ вѣковъ. Сказка о паписсѣ получила право гражданства въ немъ только тогда, когда ее прочли въ хроникѣ, обошедшей Европу во множествѣ списковъ, читаемой всѣми, и въ уваженіи современниковъ и довѣрии потомства снискавшей авторитетъ неизблемой исторической истины. Это была „*Chronica summorum pontificum imperatorumque ad se septem aetatibus mundi*“, составленная Мартиномъ Полякомъ (Martinus Polonus) во второй половинѣ XIII вѣка ¹⁾: „Послѣ Льва возсѣдалъ Іоаннъ Англичанинъ, уроженецъ города Майнца, 2 года, 5 мѣсяцевъ, 4 дня,—и умеръ. Этотъ папа, какъ утверждаютъ, былъ женщиной; въ свои юные годы отвезена она была какимъ-то любовникомъ въ преславный градъ Лейны, гдѣ оказала такіе успѣхи въ наукахъ, что не находила себѣ равнаго, такъ что позже, поучая въ Римѣ, великихъ учителей дѣлала своими учениками и слушателями. Въ этомъ городѣ она приобрѣла въ послѣдствіи такое значеніе, что единогласно избрана была въ папы. Во время своего папства она забеременѣла отъ одного изъ приближенныхъ... идя изъ храма Св. Петра въ Латеранъ, въ узкой улицѣ между Колизеемъ и церковію Св. Климента родила, тотчасъ же умерла и тамъ же, какъ говорятъ, была погребена“ ²⁾.

Въ этомъ видѣ преданіе тотчасъ-же подхватывается, повторяется, возбуждая различныя ассоціаціи дополняется и

¹⁾ Какъ выяснилъ Cave (*De scriptor. eccles. London 1688, v. 1*), разсказъ о паписсѣ неизвѣстно кѣмъ былъ вставленъ уже по смерти автора основного свода.

²⁾ „*Post Leonem Iohannes Anglicus natus Maguntinus sedt annis II, mensibus quinque et diebus IV, et mortuus est. Qui, ut asseritur, femina fuit et aetati puellari a quodam suo amasio in clarissimam urbem Athenis ducta, ubi tantum in literarum studiis profecit, ut nullus par sibi inveniretur, adeo ut postea Romae legens magnos magistros-discipulos et auditores habuerit. Et eadem urbe postea tantam auctoritatem assecuta est, ut in papam concorditer eligeretur. Sed in papatu per quaendam familiarem impraegnata... cum de S. Petro in Lateranum procederet, angusta via Coliseum inter et S. Clementis ecclesiam peperit; et statim mortua ibidem, ut dicitur, sepulta fuit*“.

становится уже традицией литературной истории. Ибо звеньями одной мифотворческой цепи были указания на паписсу Geoffroi de Courlon'a, Бернарда Гвидонского в его „Flores chronicozum“ (1311 г.), Лео Орвиетского ¹⁾, Иоанна Парижского ²⁾, Зигфрида Мейссенского ³⁾, Оккама ⁴⁾, Ранульфа Higden'a, грека Варлаама ⁵⁾, Амальриха Аугерия ⁶⁾, Боккаччо — в его „De casibus virorum et feminarum illustrium“ и в „De mulieribus claris“, I. Гуса — в трактатъ „De ecclesia“, 7, Петрарки — в „Chronica delle vite de Pontefici“ и мн. др.

Параллельно съ псевдо-исторической интерпретаціей легенды, соблазнившись таинственной обстановкой ея, продолжала свою работу народная фантастика. Ожививъ разсказъ мѣстными вставками, испещривъ эпизодическія детали его она преданіе осложнила нравственно-религіозной проблемой: къ моменту развязки паписсъ представленъ выборъ — позоръ публичныхъ родовъ, мукъ земныхъ, — или вѣчное осужденіе за гробомъ. И она, согласно вполне съ народнымъ созерцаніемъ, выбираетъ первое ⁷⁾).

Постепенно заглушая основной мотивъ преданія, эта моральная тенденція ярко сказалась в послѣдней ставкѣ на фабулу творческаго гения среднихъ вѣковъ. Въ пестрой ткани римскаго анекдота Дитрихъ Шернбергъ обрѣлъ апокрифическій смыслъ мистеріи — „Apotheosis Johannis VIII pontificis romani. Ein schön Spiel von fraw Jutten welche babst zu Rhom gewesen und aus ihrem bäbstlichen scrinio pectoris auff dem Stuel zu Rhom ein Kindlein zeuget“, разрѣшивъ ее въ паѳосъ всепрощенія, устами Христа:

¹⁾ Lami, Deliciae eruditorum, Florent. 1737, p. 143.

²⁾ Memoriae historiarum, ap. Duchesne, Scr. rer. Franc., I, 128.

³⁾ „Chronicon univers“, ap. Fabricius, Orig. stirpis Saxon., Ienae.

⁴⁾ „De potestate eccles. et seculari“, ap. Goldast, Monarchia, I.

⁵⁾ „De papae principatu“, cap. IV, p. 120.

⁶⁾ „Actus pontif. Roman“, ap. Muratori, III, 2.

⁷⁾ „Mirabilia urbis Romae“, Hemmerlin — „Dialogus de nobil. et rusticis“, — 1597 г., f. 99; Florimond de Remond — „Erreur populaire de la papesse Jeanne“, — 1599 г., ch. XXIII, n. 3, f. 429.

„Und was du gethan hast in deinem leben,
Das sol dir all sein vergeben...
Du bist aus sorgen genesen
Und solt mit mir in ewigen freuden wesen“.

Въ статикѣ традиціоннаго фона сюжета народная фантастика выдвинула и новую динамическую силу—волю дьявола,— все совершается „procurante diabolo“. Не разграничивъ еще науки и чародѣйства, народъ именно вмѣшательствомъ ада объяснилъ непостижную ученость женщины-папы.

Этапы вѣковыхъ наслоеній легенды всю роль свободного вымысла сводятъ къ необычному духовному росту паписсы въ сознаніи массъ ¹⁾: долгое время она только „in arte potandi edocta“, нѣсколько позже—изучаетъ философію въ Аѳинахъ, наконецъ, появляется въ Римѣ, гдѣ „великихъ учителей дѣлаетъ своими учениками и слушателями“. Въ началѣ XV вѣка уже точно знаютъ, гдѣ учила паписса,—Дитрихъ Нимскій указываетъ на St. Maria Scholae Graecorum ²⁾, ту самую, гдѣ нѣкогда былъ Св. Августинъ. Слѣды вѣрованій въ ученость ея доходятъ до позднѣйшаго времени ³⁾: когда въ требникахъ римской церкви было уничтожено нѣсколько предисловій, прежде въ нихъ помѣщавшихся,—это объяснили ихъ принадлежностью Іоаннѣ ⁴⁾. Чѣмъ разительнѣй и опредѣленнѣй становился умственный обликъ паписсы, тѣмъ ярче отбѣялся сокровенно-мистическій смыслъ легендарной фабулы: въ тяжкихъ мукахъ земнаго страданія искупилась призрачная сила знанія—орудіе дьявола.

Претворенія начальной схемы легенды въ „хронологической пыли“ завершены уже въ русской литературной исторіи—

¹⁾ См. I. v. Königshofen „Cronica von der hilliger Stat Coellen“, 1499 г.; „Histor. theolog. Zeitschrift“, 1844 г., 2—Kist „Die Pāpstin Johanna“; Ioh. Ios. v. Döllinger „Die Papstfabeln des Mittelalters“, 1863, s. 18.

²⁾ Gregorovius, III, 126.

³⁾ В. Бильбасовъ „Паписса Іоанна“, Труды Кіев. Дух. Акад., 1871, кн. I, стр. 85—143.

⁴⁾ Maresius, Iohanna papissa restituta, p. 17.

програмнымъ замысломъ Пушкина. Въ галлерей его женскихъ портретовъ образъ паписсы не стоитъ одиноко: „съ своей пылающей душой, съ своими бурными страстями“, она лишь замыкаетъ художественный циклъ женщинъ новаго типа—бѣгло очерченныхъ обликовъ 30-хъ годовъ. Въ будняхъ петербургскаго „свѣта“, въ анналахъ исторіи и въ анекдотахъ прошло—поэта начинаетъ занимать одинъ и тотъ-же психологическій типъ, прямо противоположный стихійно безсознательной силѣ обычныхъ его героинь. „Грѣшная дѣва“ Полтавы съ ея „неженскою душой“, Клеопатра „Египетскихъ ночей“, севильская графиня „Паж“¹⁾, силуэтъ Юдиѳи²⁾, Полина—съ грядущимъ ея протестомъ и пылкимъ вызовомъ— „Я не признаю уничиженія, къ которому принуждаютъ насъ. Посмотри на M-me de Staal... А Шарлотъ Кордэ? А наша Марѳа Посадница? А княгиня Дашкова?“—естественнымъ и неизбѣжнымъ дѣлають проявленіе творческаго интереса поэта къ миѳу о паписсѣ.

Элементы художественнаго воспріятія фабулы сочетаніемъ своимъ дали новую варіацію ея неумирающаго мотива.

Въ своеобразной формѣ выполненія съ трудомъ поддается уясненію роль извнѣ шедшихъ вліяній, и лишь матеріаль бібліотеки поэта бросаетъ слабый свѣтъ на источники программы. Естественно, они были французскими, — о чемъ властно напоминаетъ какъ французскій текстъ набросковъ, такъ и французская транскрипція „la rapesse“ вмѣсто обычной „rapissa“. Сохранилась въ бібліотекѣ Пушкина трехтомная „Histoire de la Rapaute“ М. Henrion'a³⁾, вышедшая въ Парижѣ въ 1832 году. Въ единственно цѣликомъ имъ разрѣзанномъ томѣ ея, именно въ первомъ, рассматривая (на страницахъ 233—240) дѣятельность Іоанна VIII, его сла-

1) „Она строга, властолюбива,
Но я дивлюсь ея уму...“

(„Пажъ, или пятнадцатый годъ“).

2) „Когда владыко ассирійскій...“

3) Библ. Пушкина, № 980.

бость и преступную снисходительность въ дѣлѣ патриарха Фотія, Henrion предлагаетъ въ этихъ недостаткахъ видѣть основаніе для будущей басни о женщинѣ-папѣ (... *Complaisance, qui a fait penser au cardinal Baronius que le trop facile Pontife etoit femme, d'où seroit venue la fable de la Papesse Jeanne*). Въ глухомъ указаніи Henrion'a на легенду напрасно было бы искать какихъ нибудь фактическихъ данныхъ ея, и только хронологическая близость „*Histoire de la Papaute*“ къ замыслу Пушкина позволяетъ учесть ея возможное значеніе въ его непосредственномъ обращеніи къ преданію.

Второе указаніе, имѣющее уже прямое отношеніе къ фрагментамъ Пушкинской программы, даетъ намъ книга А. Loeve-Weimars'a, хорошо извѣстнаго поэту еще въ началѣ 30-хъ годовъ своими переводами Гофмана ¹⁾. Впослѣдствіи, когда „Веймарскій Левъ“ — (какъ иронизировалъ кн. Вяземскій) ²⁾ появился въ Петербургскихъ салонахъ, Пушкинъ перевелъ для него лѣтомъ 1836 года нѣсколько народныхъ пѣсенъ ³⁾, а баронъ эти невскія встрѣчи скоро помянулъ въ некрологѣ „*Journal des Débats*“ ⁴⁾.

Въ своемъ популярномъ „*Résumé de l'histoire de la littérature allemande* (Paris, 1826), нашедшемъ мѣсто и въ библиотекѣ Пушкина ⁵⁾, Лове-Веймаръ (на страницахъ 117—120) сжато передалъ сюжетъ мистеріи XV вѣка о паписсѣ Юттѣ.

Оставшись совершенно чуждымъ историко-психологическимъ перспективамъ легенды, онъ оживилъ въ памяти современниковъ основные моменты ея:

„*Cet ouvrage n'est pas, comme on pourrait le croire, une satire dirigée contre la fameuse papesse Jeanne, mais une tragédie pompeuse dans le goût du temps, mêlée de traits*

¹⁾ Библ. Пушкина, № 996, № 997, № 998; Переписка П., III, стр. 48.

²⁾ Въ письмѣ отъ 29 іюня 1836 г. къ Тургеневу, Рус. Арх., 1900, стр. 380.

³⁾ Рус. Арх. 1885 г., № 3, стр. 451—460.

⁴⁾ Перепеч. въ „*Allgemeine Zeitung*“ отъ 12 марта 1837 г., № 113—114; Рус. Стар. 1900 г. № 1, стр. 77.

⁵⁾ Библ. П., № 1109.

comiques empruntés à la vie de la célèbre papesse, un tableau de sa mort, de ses tourmens dans le purgatoire, et de sa mort, de ses tourmens dans le purgatoire, et de sa réception dans le ciel après l'expiation de ses péchés. Vingt cinq personnages figurent dans cette tragédie; parmi eux se trouvent huit démons et *Lilli* ¹⁾, la mère du diable, trois anges, la sainte Vierge, le Rédempteur lui-même... et la Mort. La scène est tantôt sur la terre, tantôt dans l'enfer, le purgatoire et le ciel. La première scène se passe dans les régions infernales: les diables tiennent conseil, et forment le projet d'inspirer à la jeune Jutta l'idée d'un grand attentat contre le christianisme; le projet s'exécute aussitôt. Jutta et son amant, un clerc, comme on le nomme dans la pièce, vont à Paris; Jutta, vêtue des habits de clerc, se livre avec ardeur à l'étude de la théologie, et suit les leçons des maîtres fameux. Toutes ces choses se passent en peu de scènes. Les amans retournent à Rome. Jutta devient cardinal, et, dans la scène suivante, obtient la tiare... Cette élection inouïe produit une vive sensation dans le ciel. Le Christ annonce sa résolution de venger cette abominable profanation. Un ange est député vers la papesse, pour lui demander si elle préfère une damnation éternelle à une honte passagère dans le monde; Jutta promet de s'amender, mais la Mort s'attache dès ce moment à elle; après avoir longtemps combattu, la papesse succombe dans une grossesse, et le démon de l'impénitence emporte son âme dans l'enfer..."

Въ схемѣ Леве Веймара нѣтъ тѣхъ реминисценцій начальной фабулы, которыя кой-гдѣ проскальзываютъ у Пушкина („Jean de Mayence“, „Angleterre“..., „elle accouche entre le Colisee et le couvent“...). Но несложную топографію преданья могли подсказать поэту и „дней минувшихъ анекдоты отъ Ромула до нашихъ дней“ и словарныя данныя любой энциклопедіи. Отсутствіе болѣе значительнаго матеріала под-

¹⁾ Курсивъ Леве-Веймара, р. 117.

тверждаетъ, между прочимъ, и то, что, назвавъ мѣсто трагической развязки — Колизей, Пушкинъ затруднился указать собственное имя монастыря: „elle accouche entre le Colisee et le couvent de...“.

Въ разработкѣ деталей реально-житейской канвы, въ художественной рамкѣ бытового узора, Пушкинъ далъ лишь эпизодическіе контуры, очень важные для характеристики его творческихъ приѣмовъ, но нисколько не показательные для характера будущей драмы. Вѣрность преемственному канону формы, такъ рельефно проходящая чрезъ Пушкинскія заимствованія, не могла оставить его въ узкихъ граняхъ едва намѣченной драматической коллизіи. При всей тягѣ поэта къ конкретному и земному, императивную силу канона сохраняла для него мистерія Шернберга—въ передачѣ Леве-Веймара, и только въ ней отчасти найдутъ разрѣшеніе загадочныя строки наброска: „Si c'est un drame, il rappellera trop le Faust“.

Финальный аккордъ программы, невольнo создающій ассоціацію съ твореніемъ Гете, долженъ быть отнесенъ не къ реальнымъ слѣдамъ оставшейся схемы, но къ неосуществленнымъ итогамъ начальнаго замысла. Какъ бы въ параллель къ программной ремаркѣ, Пушкинъ въ томъ же 1833 году дѣлаетъ аналогичное замѣчаніе: „Байронъ въ своемъ Манфредѣ... ослабилъ духъ и формы своего образца (т. е. Фауста)“¹⁾. Сопоставленіе вскрываетъ внутренней смыслъ Пушкинскихъ представлений. Въ символической инсценировкѣ Манфреда и дѣйства о паписсѣ онъ увидѣлъ общія съ откровеніемъ Гете — „формы“: „Прологъ въ небесахъ“ Фауста, „Огненная сфера, окруженная духами“ (2-ое дѣйствіе, ц. IV) — Манфреда, „La premiere scene se passe dans les regions infernales, les diables tiennent conseil“ etc.—мистеріи, (гдѣ даже намекъ на Лилитъ, въ связи съ явленіемъ Вальпургіевой ночи, получаетъ уже особое значеніе)—достаточно говорятъ

¹⁾ [О сочиненіяхъ П. А. Катенина], Пушкинъ, ред. С. А. Венгерова т. V, стр. 228.

за то, что въ сознаниі поэта были не эпизодическіе наброски его плана, а контуры легенды въ изложеніи Леве Веймара.

Драматическое раскрытіе міа, посвященіе чрезъ мистическое дѣйство въ тайны интеллекта и судьбы бытія, общая концепція „Vom Himmel durch die Welt zur Hölle“ — вотъ творческая сфера взаимодействія и источники загадочнаго сравненія.

Анализъ внѣшней схемы будущей драмы привелъ „выскательнаго художника“ къ Фаусту. Къ тому же „Фаусту“, правда—въ субъективномъ постигновеніи его Пушкинымъ,— поэтъ вела не только мозаическая декоративность сюжета, но и органическая цѣльность идеи недовершеннаго образа. Въ міровой трагедіи индивидуальнаго духа съ необычной чуткостью воспринялъ Пушкинъ одну только ноту—безсиліе знанія въ разрѣшеніи повседневныхъ исканій, банкротство умственныхъ цѣнностей въ человѣческихъ достиженіяхъ:

Перестань,
Не растравляй мнѣ язвы тайной.
Въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ—
Я проклялъ знаній ложный свѣтъ.

(„Сцена изъ Фауста“).

Въ „Манфредѣ“, такъ часто и упорно имъ сближаемомъ съ „Фаустомъ“¹⁾),—та же поэтическая формула:

„Познанье—скорбь, и кто всѣхъ больше знаетъ,
Тѣмъ горше плакать долженъ, убѣдившись,
Что древо знанія—не древо жизни“²⁾

1) „Въ Манфредѣ онъ подражалъ Фаусту“—1827 г. (т. IV, стр. 500).

„Фаустъ тревожилъ воображеніе творца Чайльдъ Гарольда“—(мелкія замѣтки 30—31 годъ) т. V, стр. 11.

„Байронъ въ своемъ Manfred'ѣ... ослабилъ духъ и формы своего образа“ 1833 г. (т. V, стр. 228).

2) Дѣйств. I, сц. I, перев. Кн. Д. Цертелева, Байронъ, т. II, стр. 49.

Въ драматическихъ фрагментахъ Пушкина проблема эта отражена рядомъ намековъ: „La papesse-fille d'un honnête atrisan, *étonne du son savoir*“..., „Le savant (*le démon de savoir*) ne parle, qu'avec Jeanne“..., „Jeanne soutient une these et est fait docteur“..., „Jeanne prieur d'un couvent; règle austère qu'elle y établit“... и пр. Въ строгомъ подчиненіи закону непрерывнаго развитія, какъ сила движущая и творящая, обнаружень огромный запасъ умственныхъ цѣнностей,—но въ глубокомъ знаньи *жизни* нѣтъ—и „Jeanne commence à s'en-puyer“ ¹⁾).

Трагическая несоизмѣримость духовныхъ благъ съ ритмомъ жизни, скука, — какъ припѣвъ бытія, — гасить въ ней то „неустанное стремленье“, которое, спасаетъ Фауста; гнетущее ощущеніе космической пустоты, нарушивъ психическій миръ паписсы, и выдвигаетъ мотивы легендарной развязки....

Разойдясь съ народной трактовкой сюжета, уловивъ лишь „изъ рода въ роды звукъ бѣгущей“ призрачной мощи „знанія“ въ рассказѣ о *женщинѣ*-папѣ, Пушкинъ только намѣтилъ бытовой узоръ его эпизодовъ. Имѣя въ виду не самое преданіе,—канонической формой котораго для него было изложеніе Леве-Веймара, — онъ своей ремаркой: „Si c'est un drame, — il rappellera trop le Faust“ — намъ далъ ключъ не только къ уясненію причинъ недовершенія замысла, но и къ пониманію психологическихъ стимуловъ своего обращенія къ опредѣленной исторической фабулѣ.

Юліанъ Оксманъ.

¹⁾ Ср. „Фаустъ.—Мнѣ скучно бѣсъ.

Мефистофель.—Что дѣлать, Фаустъ!

Таковъ вамъ положень предѣлъ,

Его-жъ никто не преступаетъ—

Вся тварь разумная скучаетъ“...

„Скучно, моя радость! Вотъ припѣвъ моей жизни“ (Переписка П., т. I, стр. 87).

„Тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа“ (Переписка П., т. I, стр. 220).

ПУШКИНИСТЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

подъ редакціей профессора С. А. Венерова.

II.

ПЕТРОГРАДЪ.
Фотогилія и Типографія А. Ф. Дресслера, В. О., 2 линия, 43.
1916.